Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

46/1-2 | 2005
La Russie vers 1550

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ РУССКОЙ МОНАРХИИ В XVI В. И СТЕПЕННАЯ КНИЖА

Aleksej V. SIRENOV

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/8809>

DOI : 10.4000/monderusse.8809

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2005

Pagination : 337-344

ISBN : 2-7132-2055-6

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Aleksej V. SIRENOV, « Формирование идеологии русской монархии в XVI в. и Степенная книга », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 46/1-2 | 2005, mis en ligne le 01 janvier 2007, consulté le 03 septembre 2022. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8809> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.8809>

Tous droits réservés

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_461&ID_ARTICLE=CMR_461_0337

Формирование идеологии русской монархии в XVI в. и *Степенная книга*

par Aleksej V. SIRENOV

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2005/1-2 - Vol 46

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713220556 | pages 337 à 344

Pour citer cet article :

— V. SIRENOV A., *Cahiers du monde russe*
2005/1-2, Vol 46, p. 337-344.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

АЛЕКСЕЙ В. СИРЕНОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ РУССКОЙ МОНАРХИИ В XVI В. И СТЕПЕННАЯ КНИГА*

XVI век – время официального оформления русской средневековой монархии, решающим моментом которого следует считать поставление на царство Ивана IV в 1547 г. Идеологическое оформление монархической идеи, обоснование законности монархии в России волновало умы московских идеологов XVI в. До нас дошло несколько идеологических концепций, посвященных этим проблемам и получивших развитие в древнерусской книжности XVI–XVII вв.

Наиболее известной из них в литературе и в публицистике является созданная монахом псковского Елеазарова монастыря Филофеем теория «Москва – третий Рим», сформулированная им в третьем послании псковскому дьяку Мисюрю Мунехину в 1523–1524 гг. Несмотря на упоминание этих идей в документах об учреждении патриаршества, в отдельных памятниках литературы XVI–XVII вв., ее нельзя считать тогда широко распространенной¹.

Другая концепция опирается на генеалогический принцип. Она утверждает родовую преемственность династии Рюриковичей от римских императоров. Р. П. Дмитриева полагала, что впервые легенда о «римском» происхождении Рюриковичей появилась в 10-е гг. XVI в. в произведении опального митрополита Спиридона-Саввы, так называемом *Послании о Мономаховом венце*². Основными здесь являются два сюжета: происхождение Рюрика от некоего Пруса, приближенного римского

* Работа выполнена в рамках коллективного проекта по подготовке нового научного издания *Степенной книги*, поддержанного грантами от National Council for East European and Eurasian Research и National Endowment for the Humanities.

1. Н. В. Сеницына, *Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*, М., 1998.

2. Р. П. Дмитриева, *Сказание о князьях Владимирских*, М.-Л., 1955, с. 109 и др.

императора Октавиана Августа, и передача царских регалий Владимиру Монамаху византийским императором Константином Монамахом. Несколько позже, по мнению Р. П. Дмитриевой, на основе *Послания* было составлено *Сказание о князьях владимирских*, текстом которого украсили созданное к коронации Ивана Грозного Царское место. А. А. Зимин и М. В. Бычкова отнесли появление легенды о Прусе к концу XV в. Первоначальный вариант ее исследователи видят в так называемой *Чудовской повести*, откуда легенда перекочевала в *Послание Спиридона-Саввы, Воскресенскую летопись, Сказание о князьях владимирских* и другие произведения³. Таким образом, «римское родословие» было широко известно и активно использовалось в России XVI–XVII вв. Но сам тип подобных сочинений не был изобретением московских идеологов. Аналогичные легенды встречаются в Польше и Литве того времени⁴.

Официальным памятником московской идеологии XVI в., получившим наибольшее распространение, является *Степенная книга*. Это концептуальное изложение русской истории было составлено при непосредственном участии митрополита Афанасия в 60-е гг. XVI в. и разошлось по стране в десятках списков. В *Степенной книге* мы не встречаем упоминаний о концепции Филофея, сюжеты же из произведений, близких к *Сказанию о князьях владимирских*, упоминаются трижды. В житиях княгини Ольги и князя Владимира род Рюрика возводится непосредственно к императору Августу⁵, при этом легендарный предок Владимира Прус назван не просто приближенным, а даже братом Августа. Кроме того, в IV грани помещен подробный рассказ о передаче Владимиру Монамаху царских регалий⁶. Столь однозначная текстуальная и идеологическая связь *Сказания о князьях владимирских* и *Степенной книги* давала повод предполагать существование единой традиции, звеньями которой являются *Сказание* и *Степенная книга*⁷. Каковой была связь этих произведений в действительности?

Обнаруженные нами фрагменты черновика *Степенной книги* (РГАДА, ф. 181, № 185) проливают свет на составление этого произведения⁸. Несмотря на то, что в *Степенной* имеются явные текстуальные

3. А. А. Зимин, «Античные мотивы в русской публицистике конца XV в.», *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*, М., 1972, с. 129–132; М. Е. Бычкова, «Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы», *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.*, М., 1976, с. 297.

4. Обзор литературы см.: А. И. Филюшкин, «Легендарные родословия великих князей литовских и великих князей московских: принципы построения», *Русский родословец: Альманах*, 2001, № 1, с. 6–14.

5. «Книга Степенная царского родословия», *ПСРЛ*, СПб., 1908, т. 21, ч. 1, с. 7, 60.

6. *ПСРЛ*, т. 21, ч. 1, с. 188.

7. И. Н. Жданов, *Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских»*, СПб., 1891, с. 111.

8. А. В. Сиренов, «О Волковском списке Степенной книги», *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность*, вып. 4, СПб., 2001, с. 246–303.

заимствования из *Сказания*, мы решаемся утверждать, что *Сказание о князьях владимирских* (или его более ранние редакции – *Чудовская повесть* или *Послание Спиридона-Саввы*) при составлении *Степенной* не использовалось. Генеалогическая выкладка о происхождении Рюрика от Августа в *Житие Владимира* попала из *Жития Ольги*. Данные черновика *Степенной книги* свидетельствуют, что *Житие Ольги* было включено в ее состав на заключительном этапе редактирования текста. Это привело к тому, что рассказ о происхождении Рюрика от Августа оказался там повторен дважды. Рассказ о передаче Владимиру Мономаху царских регалий в *Степенной книге* наибольшую близость обнаруживает с фрагментом из *Слова похвального Михаилу Черниговскому* Льва Филолога, помещенному в *Великих Минеях Четых*. Исследователи не решались утверждать, какой текст здесь был источником, а какой заимствованием⁹. Обращение к черновику *Степенной книги* этот вопрос снимает. Несомненно, первичен текст в *Великих Минеях Четых*, в *Степенной книге* он был подвергнут редакторской правке¹⁰. Следовательно, в *Степенную книгу* заимствования из *Сказания* попали через разные источники – *Житие Ольги* и *Великие Минеи Четые*. Таким образом, *Сказание* нельзя считать прямым предшественником *Степенной*, можно говорить лишь о распространенности идей *Сказания*, подтверждением чему является их попадание в *Степенную* посредством разных источников.

Несмотря на популярность идей *Сказания*, не они стали главными в *Степенной книге*. Последняя доносит до нас особую идеологическую концепцию. Памятник имеет полное название *Книга Степенная царского родословия*. Главной идеей, композиционным ядром произведения является уподобление русской истории лестнице с золотыми ступенями, по которой русский народ восходит от тьмы язычества к Богу. Каждая ступень лестницы русской истории – правление очередного «самодержца» из династии Рюриковичей, от Владимира Святого до Ивана Грозного. Если легенде о «римском» происхождении Рюрика можно найти множество аналогий в историографии других восточноевропейских стран, то концепция *Степенной книги* остается всецело оригинальной. Образ лестницы, ведущей человека к Богу, хорошо известен в христианской и особенно в православной книжности. Начиная с «Лестницы Иакова» этот образ широко использовался в литературе. Среди произведений святых отцов известно несколько «Лествиц», наиболее популярной из которых в восточнославянской традиции является *Лествица Иоанна Синайского*. Однако *Степенная книга* лишь по формальным признакам примыкает к традиции этих текстов. Лествицы святых отцов повествуют о нравственном восхождении человека от грехов к добродетелям. В *Степенной книге* действие разворачивается во времени. Ступенями здесь являются периоды

9. Р. П. Дмитриева, *Сказание о князьях владимирских*, с. 134-135.

10. А. В. Сиренов, «О Волковском списке...», с. 285.

древнерусской истории. При этом каждая последующая эпоха превосходит предыдущую тем, что к накопленному уже «багажу» святости прибавляет свою долю, а каждый очередной самодержец как бы вбирает в себя святость и благочестие всех предшествующих.

Исследователи неоднократно пытались найти аналоги концепции *Степенной книги* в средневековой историографии других народов. К. Н. Бестужев-Рюмин, разделяя ошибочное мнение В. Н. Татищева о написании *Степенной книги* на рубеже XIV-XV вв., в качестве зарубежного аналога указал памятник сербской историографии XIV в. *Животи краљева и архиепископа српских*, составленный сербским архиепископом Даниилом¹¹. Сходство между этими произведениями состоит в том, что основу их составляют биографии правителей страны. Поскольку в настоящее время датировка *Степенной книги* аргументированно пересмотрена и составление памятника отнесено к середине XVI в., родство этих произведений представляется маловероятным¹². Еще в XVIII в. Л. Бакмайстер, рецензируя первое издание *Степенной*, сравнил ее с произведением французского богослова XVII в. Ж.-Б. Боссюэта *Discours sur l'histoire universelle*¹³, основной идеей которого является утверждение провиденциализма исторического процесса и выдающейся роли церкви. К этому сравнению уже в начале XX в. вернулся И.А. Шляпкин¹⁴. Разумеется, влияние *Степенной книги* на Боссюэта еще менее вероятно, чем влияние на *Степенную* текста сербского архиепископа XIV в. И все же приводимые исследователями сравнения показательны. Они свидетельствуют о попытках найти аналог *Степенной книге* и о неудаче таких попыток. Приходится признать за концепцией *Степенной книги* исключительную оригинальность¹⁵.

11. К. Н. Бестужев-Рюмин, *Русская история*, СПб., 1872, т. 1. с. 34-35. К. Н. Бестужев-Рюмин писал о «Родословце» Даниила, под которым, по всей видимости, имел в виду вышеназванное произведение. См. об этом: П. Г. Васенко, «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности, СПб., 1904, ч. 1, с. 30-31.

12. А. А. Турилов, «Древнейшая история славян и Руси в “Книге Степенной царского родословия” (хронология, круг источников, их отбор и использование)», *Славяне и их соседи: Миф и история: Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени: Тезисы 15-й конференции*, М., 1996, с. 51-52.

13. H.-L. Backmeister, *Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland*, 1775, Bd. 3, S. 455.

14. См. рецензию И. А. Шляпкина на книгу П. Г. Васенко, «“Книга Степенная царского родословия” и ее значение в древнерусской исторической письменности», *ЖМНП*, ч. 361, 1905, сентябрь-октябрь, с. 152.

15. В последнее время появились интересные работы Г. Ленхоф, в которых раскрывается своеобразие *Степенной книги* как памятника идеологии и историографии: G. Lenhoff, «How the Bones of Plato and two Kievan Princes were Baptized : Notes on the Political Theology of “Stepennaja Kniga”», *Die Welt der Slaven*, XLVI, 2001, S. 315-332; id., «The “Stepennaja Kniga” and the Idea of the Book in Medieval Russia», *Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag*, München, 2004, S. 449-458.

«Лествица с золотыми ступенями» – это образ восхождения по времени (от языческой эпохи к православному царству XVI в.) и пространству (снизу вверх, с земли на небо). Откуда он попал в *Степенную книгу*? Крупнейший исследователь *Степенной книги* П. Г. Васенко обнаружил в открывающем *Степенную книгу Житии Ольги* текст, в котором рисуется интересующий нас образ: «...и дарова нам, яко лествицу от земля до небеси утвержену, ей же глава Христос, к нему же восход имеем, яко златыми степенями»¹⁶. Именно этот фрагмент текста с небольшими изменениями был использован в предисловии к *Степенной*, где выражена основная идея памятника:

И мнози от корени и от ветвей (имеется в виду генеалогическое древо Рюриковичей – А. С.) многообразными подвиги, яко златыми степенми, на небо восходную лествицу непоколеблему водрузиша, по ней же невозбранен к Богу восход утвердиша себе же и сущим по них¹⁷.

Как видим, в *Житии Ольги* этот образ еще выдержан в традициях жанра Лестниц, где лестница символизирует нравственное восхождение человека. В *Степенной книге* образ исторически конкретизирован, сооружаемая представителями рода Рюриковичей лестница ведет русский народ в Богу сквозь время, т.е. образ лестницы лежит в основе не столько богословской, сколько историософской концепции автора. Очевидно, что в *Житии Ольги* образ лестницы первичен аналогичному в композиции *Степенной книги*. Представляется важным сформулировать следующий вопрос: на каком этапе создания текста *Степенной* у ее составителя появилась столь оригинальная идея композиции произведения?

Фрагменты черновика *Степенной книги* позволяют реконструировать процесс создания текста *Степенной*¹⁸. Так, все заголовки в Волковском списке были написаны в процессе окончательного оформления текста. Изначально *Степенная книга* не была разделена на степени и главы. Единственный заголовок, который, можно думать, присутствовал в тексте изначально и открывал сочинение – это заголовок жития князя Владимира¹⁹. По нашему мнению, *Житие Владимира* и стало ядром *Степенной книги*, ее основой. Если мы вычленим из текста I грани *Житие Владимира*, то обнаружим его сходство с *Житием Ольги* в композиции и в приемах работы составителя. Кроме того, из *Жития Ольги* в *Житие Владимира* оказался заимствованным фрагмент текста с осуждением охотничьих забав²⁰. Отсюда следует, что *Житие Ольги* было создано отдельно от остального текста

16. П. Г. Васенко, «Книга Степенная царского родословия» и ее значение..., с. 192-193, ср.: ПСРЛ, т. 21, ч. 1, с. 30.

17. ПСРЛ, т. 21, ч. 1, с. 5.

18. Далее ссылаемся на листы рукописи РГАДА, ф. 181, № 185.

19. А. В. Сиренов «Житие князя Владимира и составление Степенной книги», Археографический ежегодник за 2001 год, М., 2002, с. 90-91.

20. ПСРЛ, т. 21, ч. 1, с. 67-68. А. И. Соболевский, «Поп Сильвестр и Домострой», Известия ОРЯС, Л., 1929, т. 2, кн. 2, с. 192-203.

Степенной и несколько ранее. Полагаем, что именно оно явилось главным образцом при составлении *Степенной*. Черновик *Степенной книги* свидетельствует о позднем включении *Жития Ольги* в текст *Степенной книги* (оно там написано почерком 1, которым сделаны наиболее поздние по времени вставки), где оно заняло место перед первой гранью и не вошло в оглавление.

В окончательном виде *Степенная книга* состоит из 17 граней, которые названы еще и степенями (т.е. ступенями), каждая грань разделяется на главы, а некоторые особенно пространные главы имеют деление на титла. Эта стройная композиция присутствовала в тексте не изначально. В черновике сохранились следы первоначальной разметки текста на составные части. Это заголовки, большинство из которых сохранилось и в окончательном тексте сочинения, написаны почерком редактора. Полагаем, что это рука митрополита Афанасия²¹. Характерно, что первоначально заголовки еще не назывались степенями-гранями. Такие их наименования появились позже, на завершающем этапе, так как они написаны на вставных листах²². Обозначения глав и титл вписаны тем же редакторским почерком, что и сами заголовки, но позже написания этих заголовков. Об этом свидетельствует другой оттенок киновари, а также то обстоятельство, что заголовки написаны редакторским почерком только на изначальных листах (на перебеленных они написаны уже почерком писца, перебелявшего текст), а обозначения и номера глав везде вписаны редакторским почерком²³. Формулировки самих заголовков, получивших статус главы, зачастую изменялись. В одних случаях прежний текст был стерт, а вместо него написан новый – это встречаем в I грани: главы 3 (л. 106), 27 (л. 145), 28 (л. 151), 29 (155 об.), 30 (л. 160), 31 (л. 162), 33 (л. 167), 34 (л. 168), 35 (л. 168 об.), 44 (л. 180 об.). В других случаях в текст заголовка внесены исправления – в I грани: главы 11 (л. 111), 12 (л. 113), 54, 55 (л. 189), 61 (л. 21 об.), 68 (л. 200 об.), 72 (л. 208 об.), во II грани: гл. 4 (л. 268 об.), 8 (л. 272).

В трех случаях исправления имеют принципиальный характер. Заголовок главы 72 I грани (л. 208 об.) «О праведном сродствии святого Владимира» был дополнен двумя вставками редакторским почерком. В переделанном виде заголовок должен был иметь такой вид: «Предисловие о праведном сродствии святого Владимира, в нем же главы 3». При написании обозначения и номера главы «Глава 72» слова «предисловие» и «в нем же главы 3» оказались вычеркнутыми, так как не соответствовали композиционному строению текста *Степенной книги*, согласно которому

21. А. В. Сиренов, «Житие князя Владимира и составление Степенной книги», указ. соч., с. 93.

22. Там же, с. 90-91.

23. См. те случаи, когда на перебеленных листах заголовки написаны основным почерком, а обозначения и номера глав и титл – редакторским (л. 202, 234 об., 236 об.)

глава не могла быть разделена на главы. Как видим, при первоначальной расстановке заголовков такого принципа редактор *Степенной* еще не придерживался. Заголовок главы 7 III грани (л. 271) написан вместо зачеркнутого изначального заголовка, который после вставок редакторским почерком имел такой вид: «Не умолчано же да будет о едиnorodных братии сего богохранимаго великаго князя Всеволода Ярославича, о них же отчасти речется сказание, в нем же глав 5». Далее на поле следовал заголовок «Глава 1», в котором цифра «1» впоследствии была исправлена в цифру «7». Номера следующих глав 8 (л. 272), 9 (л. 274), 10 (л. 274 об.), написаны по стертому, а обозначение главы 11 на л. 276 приписано поверх зачеркнутого заголовка «О Светоши. Глава 5». Как видим, изначально текст главы 7 III грани составлял вместе с главами 8-11 этой же грани отдельное Сказание, разделенное на пять глав.

В конце главы 9 V грани, которая представляет собой *Житие Всеволода-Гавриила Псковского*, относительно *Сказания о чудесах* этого святого написано, что его «в книзе сей последи обрящеши», далее редакторским почерком приписано «кроме глав» (л. 306). Потом тем же редакторским почерком текст был изменен и получил следующий вид: «в иной книзе в житии его обрящеши». Можно думать, что изначально текст памятника по мысли составителя должен был состоять из глав, после которых могли помещаться еще какие-то произведения. Итак, можно заключить, что идея композиции *Степенной книги* появилась у составителя на завершающем этапе создания текста.

Как показано выше, образ лестницы составителем *Степенной книги* был заимствован у автора *Жития Ольги*. С наибольшей вероятностью это произведение можно атрибутировать известному общественному и церковному деятелю попу Сильвестру, на что указывает запись в списке *Жития Ольги* РНБ, Погод. 744. Именно Сильвестр, по нашему мнению, первым обратился к образу лестницы, а составитель *Степенной книги*, будущий митрополит Афанасий развил этот образ в историософскую концепцию, в основу которой положил генеалогический принцип.

На основании приведенных наблюдений можно проследить основные этапы формирования идеи *Степенной книги*. Сначала будущий митрополит Афанасий намеревался создать *Житие Владимира*, используя в качестве источника *Житие Ольги*. В предисловии к создаваемому *Житию* Афанасий пишет, что свой труд он предпринял по инициативе и по благословению митрополита Макария²⁴. Однако в процессе работы замысел менялся. *Житие Владимира* стало ядром большого повествования о древнерусской истории, которое включало *Сказания о князьях Рюриковичах*, разделенные на главы и подзаголовки. На завершающем этапе, когда основной текст произведения был написан, его составитель обратился к своему первому источнику, *Житию Ольги*, и оттуда вынес идею лестницы к Богу, которую утвердила

24. ПСРЛ, т. 21, ч. 1, с. 58.

для своего народа первая христианка княгиня Ольга. Мысль положить эту идею в основу композиции создаваемого произведения характеризует митрополита Афанасия как выдающегося мыслителя и историка своей эпохи.

Данная концепция, несмотря на всю свою оригинальность и образность, для русской монархии потеряла актуальность спустя несколько десятилетий, когда династия Рюриковичей на русском престоле пресеклась. Не случайно в XVII в. текст *Степенной* не решались продолжать в том же жанре. Последней «степенью» стала посвященная царствованию сына Ивана Грозного, Федора Ивановича, на котором род Рюриковичей пресекся²⁵. Дальнейшие продолжения текста *Степенной* выдержаны в хронографическом жанре. Концепция *Степенной* «работала» только при условии продолжения рода Рюриковичей на царском престоле. Однако несмотря на это, *Степенная книга* оказала значительное влияние на русскую государственную идеологию и историографию XVII–XVIII вв.

Санкт-Петербургский Университет
Исторический Факультет

sirenov@peterlink.ru

25. Повествование о Федоре Ивановиче оформлено в виде 18-й степени, например, в списке *Степенной книги* второй четверти XVII в. БАН, 32.8.1 (л. 1130 об.). См. *Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР*, изд. 2-е, дополн., М.–Л., 1959. т. 3, вып. 1, с. 464–470.